

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

НАУКИ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

На правах рукописи

Кокорина Елена Анатольевна

Структура простого предложения в лезгинских языках

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Специальность 10.02.02.

Языки народов России (Кавказские языки)

Москва 2013

Работа выполнена в отделе кавказских языков ФГБУН Института языкознания Российской Академии наук

Научный руководитель:

Доктор филологических наук, профессор Алексеев Михаил Егорович (Институт языкознания РАН)

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук Тадинова Роза Абдуманаповна (Академия ФСБ)

Доктор филологических наук, доцент Алисултанов Алисултан Султанович (ДГПУ)

Ведущая организация ИЯЛИ ДНЦ РАН им. Г. Цадаса

Защита состоится 17 декабря 2013 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002. 006. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б.Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языкознания РАН

Автореферат разослан «16» ноября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, к.фил.н.

Е.М.Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию синтаксической организации простого предложения в лезгинских языках в типологическом, сравнительно-историческом и ареальном аспектах.

Актуальность темы. Еще в середине прошлого столетия едва ли не единственными трудами по синтаксису лезгинских языков были монографии М.М.Гаджиева [1954] по лезгинскому синтаксису и Б.Г.-К.Ханмагомедова [1970] – по табасаранскому. Типологическую парадигму того времени представляли в основном работы И.И.Мещанинова [1936; 1967 и др.].

Начиная с 70-х гг. ситуация заметно изменилась во многом благодаря публикациям А.Е.Кибрика [1976; 1977 и др.], прежде всего по арчинскому языку, в которых, во-первых, к исследованию был привлечен материал малоизученных бесписьменных языков и, во-вторых, был предложен новый типологически ориентированный подход к синтаксическому описанию, который был сформулирован А.Е.Кибриком [1992: 29] следующим образом: «В последнее время становится все более очевидным, что в типологии, как и в общей теории языка, происходит качественное изменение исходных презумпций (подробнее см. главу 2) и, наряду с КАК-вопросами, все чаще начинают ставиться ПОЧЕМУ-вопросы, а именно вопросы типа: ПОЧЕМУ языки (тем-то и тем-то) отличаются друг от друга? Тем самым на смену безраздельного господства таксономической КАК-типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования/несуществования тех или иных явлений ... Такое развитие типологии имеет место не только и не столько в силу осознаваемой ограниченности КАК-типологии, но в первую очередь ввиду потребностей самой КАК-типологии: оказывается, что исчерпывающих ответов на КАК-вопросы зачастую невоз-

можно получить, не поставив своевременно ПОЧЕМУ-вопросы».

За последние годы появилось большое количество исследований, посвященных синтаксическому строю отдельных дагестанских (в первую очередь, аварского, даргинского, лезгинского) языков, в том числе и лезгинских.

С выходом ряда работ по синтаксису лезгинского языка заметно расширился круг обсуждаемых в этой области проблем. В первую очередь здесь, видимо, следует назвать работу Г. И. Ахмедова [1999], в которой на материале лезгинского литературного языка был дан анализ коммуникативных типов предложения в лезгинском языке. Расширяют круг знаний об отдельных аспектах структуры лезгинского простого предложения работы, выполненные в последнее десятилетие [в частности, Сагидова 2002 – о вопросительном предложении]. В связи с эргативной конструкцией предложения материал лезгинского языка рассматривался также в статьях И.А.Мельчука [*Mel'cuk* 1982; 1988] и М.Хаспельмата [Haspelmath 1991]. Последнему принадлежит также подробное описание синтаксиса в его фундаментальной грамматике лезгинского языка [Haspelmath 1993].

Отдельные аспекты синтаксиса простого предложения в табасаранском языке предметом специальных статей А.Е.Кибрика и А.Г.Селезнева [1982] о глагольном согласовании, А. Е.Кибрика, В. А.Плунгяна и Е. В.Рахилиной [1982] о каузативной конструкции и др.

Первое описание синтаксиса агульского языка принадлежит З. К. Тарланову [1994], подробно осветившему такие вопросы, как способы и порядок выражения субъектно-объектных отношений; особенности подлежащего, сказуемого и второстепенных членов предложения; связь структуры глагола и структуры предложения; сложное предложение; способы выражения сравнительных, причинных, локативных, посессивных, количественных и некоторых других отношений. Особенности второстепенных членов предложения характеризуются в

исследовании С.Н.Гасановой, посвященной словосочетанию в анульском языке [2004].

Из исследований по синтаксису рутульского языка следует выделить несколько работ С.М.Махмудовой [1995 и др.], в которых основное внимание уделяется выражению субъектно-объектных отношений [1995 и др.], а также специальную статью А.М.Исмаиловой [2004] о дативной конструкции предложения.

Фундаментальное исследование цахурского языка [Элементы... 1999] включает существенный синтаксический раздел, в котором нашли отражение многие доселе неизвестные или малоисследованные синтаксические явления цахурского языка, в т.ч. семантическая эргативность, согласование, порядок слов, структура составляющих, сочинительные конструкции и др. Из публикаций по отдельным проблемам синтаксиса цахурского языка отметим специальную статью, посвященную вопросам согласования [Corbett 1999].

Синтаксис арчинского языка был исследован в уже упоминавшихся работах [Кибрик 1976; 1977]. К этому следует добавить специальную статью, посвященную биноминативной конструкции [Кибрик 1975].

По синтаксису шахдагских языков можно назвать соответствующие разделы монографии Ж.Отье [Authier 2009], в т.ч. согласование, эллипсис агенса и пациенса, маркировка различных членов предложения.

Хотя синтаксис удинского языка не был предметом специального исследования, синтаксическая структура этого языка привлекала внимание типологов уже в первой половине прошлого столетия: мы имеем в виду, прежде всего типологические труды И.И.Мещанинова. В частности, в своей монографии, посвященной стадильной типологии предложения [1936], он уделяет существенное внимание удинским материалам.

Полезным оказалось также наше знакомство с работами по синтаксису

родственных дагестанских языков, в частности по синтаксису простого предложения в лакском языке, в которых демонстрируются новые подходы к описанию синтаксической структуры дагестанских языков. К этому следует добавить и значительное количество работ, в которых синтаксису дагестанских языков уделено внимание в сопоставительном плане (обзор работ в области русско-дагестанского сопоставительного синтаксиса см. в [Алексеев 2008], ср. также сопоставление синтаксической структуры простого предложения в английском, с одной стороны, и в аварском [Исламова 1996; 1996а; 1999]; даргинском [Исрапова 2000; 2001; 2002; 2004] и лезгинском [Девришбекова 2008; 2008а; 2008б], с другой; а также аварско-французские [Газилов 1998; 2000; 2002; 2003; 2003а; 2003б], немецко-аварские [Айтемирова 2007], немецко-лезгинские [Залова 2009] и английско-лезгинские [Султанова 2007; Девришбекова 2008; Шерифова 2009], французско-агульские [Сулейманова 2011] и т.п. контрастивные исследования). Значительное внимание уделено синтаксической проблематике в работах по сравнительной грамматике лезгинского и русского языков Э. М. Шейхова [1994; 2004 и др.]. По его мнению, «предложение совпадает в сопоставляемых языках по своим дифференциальным признакам и прежде всего по наличию предикативности, реализуемой в формах времени и модальности, не ограничиваясь рамками морфологических категорий, но охватывая и широкий диапазон лексических и синтаксических средств» [Шейхов 2004: 244]. Синтаксис также рассмотрен в одном из разделов обобщающей работы З. М. Загирова [2002], где представлены основные особенности словосочетания, простого и сложного предложения.

На этом фоне все более заметным становится отсутствие исследований, результатом которых было бы обобщение типологических особенностей дагестанских языков в целом и их подгрупп – в первую очередь, аваро-андо-цезской и лезгинской. Исключение составляет специальная статья М.Е.Алексеева [1985],

скорее очерчивающая перспективы дальнейших исследований, нежели суммирующая итоги проведенного анализа. Проведение же такого анализа дало бы возможность не только уточнить место дагестанских языков в типологической классификации языков мира, но и очертить основные тенденции в развитии их синтаксической структуры.

В сравнительно-историческом плане синтаксические явления лезгинских языков были рассмотрены в монографии М. Е. Алексева [1985а], в которой была предложена пралезгинская реконструкция некоторых синтаксических моделей. Из работ по синтаксической контактологии здесь можно назвать специальную статью Т.Эфендиева [1982] о табасаранских сложных конструкциях, возникших под азербайджанским влиянием.

Исследуя типологическую вариативность в области синтаксиса в связи с русско-лезгинскими сопоставлениями, М. Е. Алексеев и Э. М. Шейхов [1993: 111] пришли к выводу, что увеличение структурной сложности сопоставляемых объектов при переходе от фонологии к синтаксису дает увеличение комбинаторных возможностей сочетания этих объектов: общие закономерности мышления являются в данном случае далеко не единственным фактором, влияющим на типологическое разнообразие синтаксических явлений. Этот вывод находит подтверждение и при переходе на групповой уровень обобщений.

Опираясь на отмеченные выше особенности современного состояния исследований в области синтаксиса дагестанских языков, **цели и задачи** данного исследования формулируются следующим образом: в диссертации предлагается опыт сравнительного анализа простого предложения агульского в языках лезгинской группы, преимущественно письменных (лезгинского, табасаранского, агульского, рутульского и цахурского). Достижение этой цели обеспечивалось решением ряда более конкретных задач, в том числе:

1. Выявление и грамматический анализ синтаксических явлений агульского

языка, объединяющих лезгинские языки в типологическом плане. Необходимость решения этой задачи обусловлена практическим отсутствием работ обобщающего характера. Отчасти такое положение компенсируется наличием серии работ А.Е.Кибрика, выполненных на материале практически всех дагестанских языков по единой схеме, учитывающей правила кодирования актантов в независимом предложении, синтаксическое поведение сентенциальных актантов, особенности рефлексивизации, сочинение предложений и нек. др., что дает возможность дать характеристику соответствующим явлениям в терминах эргативности, аккумулятивности и нейтральности и облегчает переход на уровень обобщения. В переработанном виде результаты этих исследований вошли в книги [Кибрик 1992; 2003].

2. Уточнение грамматического статуса явлений (грамматических категорий, членов предложения и т.п.), получивших в дагестанском языкознании в целом неоднозначную квалификацию и, соответственно, требующих определенной унификации интерпретации хотя бы на уровне одной языковой подгруппы.

3. Выявление структурных схождений и расхождений в синтаксической структуре простого предложения сопоставляемых языков. Анализ возможных причин черт подобия и контрастирующих характеристик в этих языках.

4. Уточнение инвентаря лингвистической терминологии на основе общих черт соответствующих синтаксических явлений в исследуемых.

5. Сопоставление рассмотренных синтаксических явлений с аналогичными явлениями соседних языков, прежде всего азербайджанского с целью установления контактного характера их происхождения.

6. Опыт реконструкции синтаксических черт общезезгинского языка-основы.

Представляется необходимым решение поставленных выше задач осуществлять в определенной последовательности, поскольку некоторые из них увязы-

ваются с последующим осмыслением тех практических результатов, которые были получены в ходе непосредственного сравнительного анализа синтаксических структур лезгинских языков, что составляло задачу первых этапов исследования. В целом же все перечисленные выше задачи представляют собой неотъемлемые составные части данного исследования, во многом определяя специфику и методы решения остальных задач.

В связи с поставленными задачами следует также отметить, что в дагестанско-русской лингвистике в настоящее время уже имеется существенный исследовательский опыт, относящийся к синтаксису простого предложения лезгинских языков.

Таким образом, **научная новизна** настоящей диссертации заключается в том, что в ней впервые для лезгинского и дагестанского языкознания на материале группы родственных языков исследуется структура простого предложения, впервые предпринимается опыт восстановления основных синтаксических черт исходного для этих языков праязыкового состояния и прослеживается контактная природа их отдельных характеристик. В работе предлагаются конкретные наблюдения, касающиеся отдельных структурно-семантических закономерностей в построении предложения, которые выявляются как в согласовательном механизме и падежной маркировке, так и в особенностях трансформации исходных синтаксических структур в производные.

Теоретическая значимость данной диссертации обусловлена сочетанием в ней структурно- и контенсивно-типологических подходов (при доминантном положении последнего) с применением методов сравнительно-исторического и ареального языкознания.

Практическая значимость сравнительного исследования синтаксиса лезгинских языков, как и в целом дагестанских, дает возможность получить четкое представление об их исконной структуре, выделить в этой структу-

ре иноязычные напластования и конструкции, возникшие под иноязычным влиянием, что особенно важно не только в процессе преподавания письменных лезгинских языков (в особенности новописьменных, синтаксические нормы которых, как можно полагать, пока еще не выработаны), но и для работы по переводу на исследуемые языки (в частности, для перевода Библии).

Методы исследования. Поскольку диссертация посвящена сопоставлению синтаксических явлений родственных языков, в ней используется весь спектр приемов анализа, с одной стороны, применяемых в контрастивной лингвистике, в частности, применение понятия функционально-семантического поля [см., например, Теория... 1990: 3].

Одним из методических приемов сопоставительного исследования можно считать также его опору на собственно типологическое направление, использующее в качестве основного понятие языкового типа. В области синтаксиса это направление реализуется, прежде всего, в контенсивной типологии, которая исследует, прежде всего, способы передачи в языках различной типологии субъектно-объектных отношений. Естественно, что для сравнительного синтаксиса группы родственных языков немаловажное значение имеет их принадлежность соответственно к эргативному типу, на фоне основных структурных характеристик которого обнаруживаются своеобразные черты отдельных лезгинских языков, чем можно объяснить целый набор их конкретных дифференциальных черт: "именно семантический фактор позволяет в этом случае найти определенные основания для сопоставления формальных средств самых разных языков" [Климов 1983: 14-15]. Помимо процитированной выше работы, для кавказоведения немаловажное значение имеют также такие работы контенсивно-типологического направления, как [Структурные общности...1978; Климов, Алексеев 1980; Кибрик 2003 и др.], в которых проводится анализ прежде всего способов выражения субъектно-объектных отношений в различных дагестан-

ских и других кавказских языках, хотя по целому ряду вопросов можно обнаружить существенные расхождения взглядов названных авторов.

Говоря о типологических изысканиях на материале дагестанских языков, нельзя не указать на упоминавшиеся выше основополагающие труды акад. И. И. Мещанинова, который предполагал, что «центр выражения синтаксических отношений эргативного строя предложения сосредотачивается в глаголе. В языках лезгинской группы (ср. лезгинский, агульский), наоборот, центр передачи эргативной конструкции переносится на имена. Глагол в этих языках остается по своей внешней форме нейтральным. Он не получает ни аффиксов лица, ни классовых показателей. По своему построению глагол в лезгинском и агульском языках не различает переходных и непереходных форм. Значение глагола устанавливается контекстом предложения, в котором глагол выделяется своей семантикою. Его грамматическая форма, передающая времена и наклонения, не имеет отношения ни к другим членам предложения, ни к его построению. Конструкция предложения при всех временах глагола остается тою же» [Мещанинов 1967: 66-67].

В современной контрастивной лингвистике были выработаны некоторые общие принципы, применимые и для анализа родственных языков, в т.ч.:

1. Системность анализа (сопоставление отдельных явлений должно проводиться не изолированно, а в общей системе). С учетом этого принципа, например, совпадение номинатива и эргатива личных местоимений 1-го и 2-го лица в ряде лезгинских языков должно, с одной стороны, рассматриваться на фоне дифференциации этих падежных единиц у местоимений 3-го лица (= указательных) и, с другой стороны, увязываться с более общими принципами синтаксической иерархизации актантов в эргативных и номинативных языках. По этому поводу И.И.Мещанинов [1936: 180] на материале удинского языка заключал следующее: «... в части местоимений абсолютно-эргативные взаимоотношения

выявляются только в 3-м лице. В первых же двух абсолютный падеж совпадает с эргативным (творительным). Правильнее было бы сказать, что в первых двух лицах местоимений вовсе нет эргативного падежа и что функции его, следовательно, и вообще орудийного, выполняются абсолютным падежом. Но на таком заключении едва ли следует настаивать, так как архаичная схема прямого падежа уже разбита эргативной стадией и сам удинский язык имеет достаточно развитую падежную дифференциацию, точно различающую абсолютный и орудийный падежи везде, кроме местоимений первых двух лиц».

Эта точка зрения развивается в монографии Г.А.Климова и М.Е.Алексеева [1980: 201-202], где указывается на следующие факты: «Во-первых, формы эргатива и абсолютива различаются у вопросительных местоимений, ср. таб. *фуж* (абс.), *шли* (эрг.) ‘кто?’. Вопрос к подлежащему оформляется эргативом, к прямому дополнению – абсолютивом: *узу уву агураза* ‘я тебя ищу’, но *уву шли агура?* ‘кто тебя ищет?’, *фуж узу агура* ‘кого я ищу?’.

Во-вторых, ... с точки зрения классного согласования глагол, имеющий в своем составе классный показатель, дает согласование с именем объекта – прямым дополнением, что явно свидетельствует об эргативной конструкции.

В-третьих, как это было показано на примере лакского языка, определение-приложение к личному местоимению в роли подлежащего эргативной конструкции оформляется эргативом, ср. *на, Валил, буккара чагъар* ‘я, Вали, читаю письмо’, где *Валил* – форма эргативного падежа».

2. Многоаспектность сопоставления, ср. «Грамматические явления разных языков могут сопоставляться в плане содержания, в плане выражения и в плане функционирования» [Гак 1977: 82]. На материале родственных языков применение этого принципа позволяет обособлять типологическую и материальную (соответственно, генетическую) общность. Так, при общей для лезгинских языков эргативной конструкции общность эргативного падежа не столь очевидна и

требует дополнительных сравнительно-исторических изысканий.

3. Сопоставимость сравниваемых явлений. Данный принцип подразумевает, во-первых, равную степень полноты изученности сопоставляемых явлений в обоих языках, во-вторых, их принадлежность к более или менее эквивалентным понятийным областям и, в-третьих, использование адекватных лингвистических терминов. Так, говоря о наличии лабильных (переходно-непереходных) глаголах в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, приводят пример из адыгейского *пкIэн* 'полоть', которое, с одной стороны, обуславливает эргативную конструкцию предложения (*лЫжъы-м хатэ-р я-пкIэ* 'старик огород полет (пропалывает)') и, с другой стороны, оно абсолютную конструкцию (*лЫжъы-р ма-пкIэ* 'старик полет (вообще), занимается прополкой') [Структурные общности 1978: 37]. Между тем, дагестанские лабильные глаголы ни по лексическому составу, ни по формальным признакам образуемых ими конструкций не могут быть приравнены к одноименным единицам абхазско-адыгских языков. Так, с точки зрения семантики в абхазско-адыгских языках они «представляют собой названия древнейших сельскохозяйственных и так называемых домашних производств, т. е. производств, связанных с обработкой земли, скотоводством, обработкой пищевых продуктов, шерсти, дерева и т. д., в нахско-дагестанских же, по словам Б. Г. -К. Ханмагомедова [1970: 84-85], «все здесь зависит от значения глагола. Глаголы с ярко выраженным переходным значением (например, *анIуб* «делать», *хътабгъуб* «вытащить», *убгуб* «резать» и др.) не могут быть переосмыслены как непереходные, в то время как другие глаголы (например, *убхъуб* «варить», *убжуб* «печь» и др.) могут переосмыслиться. Если в предложении *Чубни марчч убккура* „Чабан овцу режет“ опустить подлежащее (*чубни*), то оставшееся *марчч убккура* „овцу режет“ не может быть переосмыслено как „овца режется“. А если мы возьмем предложение *Ригъди бегълийир уржура* (букв. «Солнце черешни печет»), то без подлежащего (*ригъди*)

беълийир уржура осознается как «черешни поспевают».

4. В различных работах выдвигается принцип двусторонности сравнения: «это сравнение, проводимое при условии их равноправных отношений по материалу систем. При таком сравнении в поле зрения попадают особенности обоих сравниваемых языков. Двустороннее сравнение, в отличие от одностороннего, позволяет предвидеть все межъязыковые интерференции, выявить ранее незамеченные признаки, как первого, так и второго языка» [Юсупов 1987: 198]. На наш взгляд, этот принцип в нашем случае практически не работает: во-первых, вследствие сравнения фактов двух языков, во-вторых, вследствие различной представленности в них интересующих нас явлений и, в-третьих, вследствие неодинаковой степени изученности соответствующих языков.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Общность синтаксической структуры современных лезгинских языков, прежде всего, является наследием общелезгинского состояния, к которому могут быть возведены все представители лезгинской языковой группы.

2. Ряд общих черт в синтаксисе обусловлен едиными условиями межъязыкового контактирования: практически все (за возможным исключением арчинского) языки лезгинской группы испытали значительное влияние азербайджанского языка, в т.ч. и в области синтаксиса. Это же влияние в отдельных случаях привело к определенным расхождениям.

3. В целом расхождения синтаксических структур лезгинских языков являются результатом дивергентного развития, отражая отчасти и дивергентные процессы в области морфологии.

4. Синтаксические структуры, сближающие лезгинские языки с русским, обнаруживаемые в исследуемых текстах, не являются признаком синтаксической структуры лезгинских языков, поскольку калькируются с русского источника в процессе перевода.

5. В целом современные лезгинские языки, несмотря на влияние номинативных языков, сохраняют эргативную типологию (некоторое исключение дают говоры удинского языка), хотя в них налицо все большее распространение черт номинативности.

Материалы исследования. Материалом для настоящей диссертации служили, с одной стороны, теоретические положения и конкретные наблюдения, содержащиеся в имеющихся исследованиях по лезгинским и в целом по дагестанским языкам. Основные материалы для анализа были извлечены нами из переводных текстов Нового Завета (Евангелия от Луки) на шести лезгинских языках – лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском, цахурском и удинском (Инджил 2005; Инжил 2000; Лукаады... 2004; Лукадилай... 2004; Лукайкаена... 2003; СМОМПК 1902¹), что дало возможность выявить в сопоставляемых языках различные стратегии в кодировании идентичных смыслов. Лишь удинский перевод, осуществленный в начале прошлого века, заслуживает особой оговорки: стремление переводчика к буквальному переводу делает подчас удинский текст малоинформативным, так что во многом удинские примеры (по изданию Schulze 2001) приводятся лишь для полноты картины.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в нескольких публикациях автора общим объемом 2 а.л., а также на нескольких конференциях различных уровней.

Объем и структура работы. Диссертационная работа изложена на 189 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы и списка источников.

¹ Современный перевод Евангелия от Луки на удинский язык был опубликован уже после того, как наша работа была в основном выполнена.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются актуальность выбранной темы и научная новизна диссертации, характеризуются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, выявляются теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В первой главе **Классификация предложений** даются общие сведения о простом предложении лезгинских языков в его противопоставлении с другими типами высказываний - междометными (выражающие эмоции, звукоподражания и обращения), словами-предложениями и речевыми формулами.

Стандартные предложения группируются в современном языкознании исходя из различных параметров: во-первых, с точки зрения грамматической структуры, во-вторых, с точки зрения передаваемой ими семантики и, в-третьих, с точки зрения выполняемых ими коммуникативных задач. Соответственно, противопоставление утвердительных и отрицательных предложений базируется на отношении высказывания к действительности. Оппозиция повествовательных, вопросительных и побудительных предложений исходит из цели высказывания. Структура предложения дает, во-первых, оппозицию простых и сложных предложений, во-вторых, разграничение односоставных и двусоставных и, в-третьих, распространенных и нераспространенных, а также полных и неполных предложений, что имеет место и в лезгинских языках.

Утвердительные предложения в лезгинских языках, как и во многих языках мира, не имеют специальных средств выражения, представляя собой, как правило, предложения с глаголом-сказуемым в изъявительном наклонении. **Отрицательные предложения** представляют собой определенную трансформацию соответствующего утвердительного предложения, обычно с использованием специальных отрицательных морфем, что вызвано семантической производностью отрицательных предложений. Как правило, в лезгинских языках представлены две стратегии образования отрицательных форм: синтетические формы глагола-сказуемого образуют отрицательные корреляты с помощью суф-

фиксов, аналитические – с помощью отрицательных форм вспомогательного глагола (к ним же восходят и некоторые современные суффиксы), в то время как нефинитные формы выражают отрицание с помощью префиксов. Особой запретительной морфемой выражается отрицание побудительных форм (что дает основания выделять особое, отличное от повелительного, запретительное наклонение), ср. в следующих примерах морфему –mV- в запретительном и отрицательных формах связки в индикативе. При повторении отрицательных конструкций возможен эллипсис во второй части (в лезгинском и удинском).

Так называемое частное отрицание, выражаемое в русском языке постановкой отрицательной частицы перед соответствующим членом предложения, в лезгинских языках не имеет специальных средств выражения.

В случае противопоставления в некоторых языках (лезг., таб., частично рутул.) возможно использование отрицательной частицы **ваъ**. Во многих контекстах противопоставление положительных и отрицательных предложений выражается обычно простым соположением коррелятов, хотя возможно использование противительных союзов.

Как и во многих других языках мира, лезгинские языки демонстрируют правило запрета двойного отрицания. Однако, в отличие, скажем, от английского, отрицание здесь выражается не в именной части, а в глагольной. Таким образом, специальные отрицательные местоимения в лезгинских языках не выделяются, а их роль в отрицательных предложениях выполняют конструкции вопросительное местоимение + усилительная частица (в рутульском и цахурском) или же числительное «один» + усилительная частица (в восточнолезгинских).

Вопросительные предложения в лезгинских языках, как и в других языках мира, являются контекстом нейтрализации противопоставления утвердительных и отрицательных форм. При этом отрицательное вопросительное обычно используется в функции риторического вопроса: использование отрица-

тельной формы в риторическом вопросе подразумевает положительный ответ, в то время как положительная форма - отрицательный:

Противопоставление **повествовательных, побудительных и вопросительных предложений**, наряду с оппозицией утвердительных и отрицательных предложений, фиксируется во всех языках мира. Лезгинские языки в этой связи следуют общему правилу, обнаруживая при этом определенное своеобразие в способах выражения этой оппозиции. Немаркированным членом противопоставления здесь являются повествовательные, содержащие сообщение о каких-либо фактах действительности, событиях, происшествиях, явлениях и т.п., в которых, как правило, глагол-сказуемое принимает формы индикатива.

В оформлении вопросительных предложений наблюдаются определенные расхождения, во-первых, в средствах выражения вопросительной семантики и, во-вторых, в наличии специальных способов передачи отдельных разновидностей вопросительного значения. Например, альтернативные вопросы в лезгинских языках характеризуются (а) наличием разделительного союза (лезг. *тахъайтIа, я тахъайтIа*, таб. *дарш/даршиш*, агул. *хъара*, рут. *дишде*, цах. *ва я*), (б) использованием вопросительного наклонения, (в) повторения вопросительной формы глагола или эллипсисом различной структуры. Возможно построение альтернативного вопроса и без разделительного союза – соположением альтернативных форм.

Основным средством оформления **побудительных предложений** в рассматриваемых языках является повелительное наклонение глагола-сказуемого.

Среди особенностей побудительного предложения в отдельных языках, мы можем отметить (а) функционирование в качестве регулярного средства выражения побудительности специальной формы желательного наклонения в лезгинском и агульском; (б) наличие специальных побудительных частиц, подчеркивающих побудительную семантику, выраженную в глаголе.

От типов предложения по коммуникативной целеустановке **восклицательное предложение** отличается тем, что высказываемая в нем мысль, повеление, просьба или желание сопровождается сильной эмоцией, которая выражается особой восклицательной интонацией, характеризующейся сильным повышением тона.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выявить следующие функции восклицательных предложений, в основном передающих сильные проявления эмоций: (а) гнев, сильную обиду; (б) сильное волнение, душевное переживание, стремление получить желаемое, доказать свою правоту и т.п.; (в) решимость, уверенность, убежденность; (г) сильные положительные эмоции, удовольствие; (д) восхищение, похвалу.

За пределами этих разновидностей семантические границы восклицательных предложений весьма неопределенны.

Понятия **полного и неполного предложения** определяются на основе понятия члена предложения и, т.е., с точки зрения того, является ли рассматриваемая структура исходной (полное предложение) или же усеченным трансформом полного предложения (неполное предложение), в связи, с чем более оправданным было бы их рассмотрение вслед за членами предложения. Тем не менее, в работе сохраняется традиционный порядок рассмотрения синтаксической проблематики.

В отличие от эллиптических, неполные предложения могут подразделяться на односоставные именного типа и глагольного типа. Из односоставных именного типа достаточно часто в текстах встречаются высказывания, состоящие из одиночного имени, выступающего в функции обращения, или же как подписи к иллюстрациям и заголовки. Поскольку, как уже говорилось, они не могут квалифицироваться как полноправные предложения, к числу неполных мы их не относим.

Неполные предложения глагольного типа в лезгинских языках сравнительно редки. Проблематичность их выделения обусловлена способностью имени субъекта опускаться, не отражаясь на структуре предложения в целом, что приводит к неоднозначности трактовки соответствующих структур.

Во второй главе **Грамматическая структура предложения** рассмотрены критерии, считающиеся релевантными для определения подлежащего (и далее – прямого или косвенного дополнения) в эргативном и номинативном предложении, в частности, (а) возможность внеконтекстного, т.е. неэллиптического опущения субъектного или объектного имени, (б) сочинительное сокращение с базовым подлежащим, (в) координацию с субъектом деепричастия, (г) соотносительность с возвратным местоимением, (д) кореферентное опущение или замещение в различных сложных конструкциях субъекта или объекта и т.п.

Возможность внеконтекстного опущения субъектного или объектного имени. В лезгинских языках, как правило, отмечено опущение субъектного имени, которое не влечет дополнительных изменений в общей конструкции предложения, что отвечает закономерности, выведенной на материале языков эргативного строя, в которых в простом предложении субъектное имя обычно может опускаться без ущерба для структуры предложения, что оказывается верным лишь отчасти (ср., например, трансформацию эргатива в один из аблативов в конструкции с семантикой возможности).

Особенности согласования. Лезгинские языки демонстрируют несколько стратегий согласования, действующих, в том числе и в пределах одного языка.

Прежде всего, заслуживает внимания классно-числовое согласование, проявляющееся в большинстве лезгинских языков, за исключением лезгинского, агульского и удинского (в последнем, впрочем, присутствует показатель множественного –q'un). При этом обнаруживаются различия в количестве противопоставляемых классов: при четырех классах в большинстве языков табасаранский

противопоставляет лишь два: одушевленный (разумный) и неодушевленный (неразумный). В любом случае это согласование следует эргативной схеме, представленной в приведенном выше арчинском примере: глагол согласуется с субъектом непереходного и объектом переходного предложения. Эта схема действует и в дативной (аффективной) конструкции предложения. Особый случай представляют примеры наличия числовых показателей в формах императива, ориентированных на субъект действия.

Иную согласовательную стратегию демонстрируют табасаранский и удинский языки с личным согласованием, ориентированным прежде всего на субъект.

Падежное кодирование подлежащего. В современном дагестановедении утвердилось мнение о наличии в рассматриваемых языках нескольких конструкций простого предложения: (а) абсолютной конструкции непереходного предложения, эргативной конструкции переходного предложения и аффективной, или дативной конструкции с дательным, аффективным (в цахурском) или же некоторыми пространственными падежами при так называемых аффективных глаголах. К этому можно добавить и возможность выделения посессивной конструкции с генитивом (удин.), дативом (лезг., таб.) или локативом (лезг., таб., агул., рут., цах.) субъекта.

Части речи в функции подлежащего. Что касается выражения подлежащего различными частями речи, то оно в исследуемых языках практически однотипно:

а) Наиболее распространенный способ выражения подлежащего – имя существительное.

б) Широкоупотребительны в обоих языках в функции подлежащего и местоимения – личные, неопределенные, указательные, вопросительные и т.п.

в) В позиции подлежащего могут выступать также субстантивированные

прилагательные и причастия.

г) Количественные, порядковые и собирательные числительные, хотя и не так часто, также могут выполнять функции подлежащего в сравниваемых языках (более распространены словосочетания с зависимым числительным).

д) Можно говорить также о масдаре (лезг., таб.) или инфинитиве (цах.) в функции подлежащего.

Различные виды сказуемого в исследуемых языках могут быть сгруппированы следующим способом:

1. Глагольный тип

а) простое глагольное сказуемое

б) составное глагольное сказуемое

2. Именное (составное) сказуемое.

Формы составного глагольного сказуемого в исследуемых языках включают:

1. Сочетания с инфинитивом смыслового глагола фазовых глаголов, маркирующих начало и конец действия и т.п.

2. Сочетания с инфинитивом глаголов, имеющих модальное значение, в т.ч. возможности, способности, желания, стремления, процесса мысли и т.п.

Различные виды составного именного сказуемого состоят из вспомогательного глагола-связки и именной части, которая может быть выражена:

а) именем существительным:

б) именем прилагательным:

в) (значительно реже) местоимением, причастием, наречием и т.п.

Порядок слов. Характерный для эргативных языков порядок слов преобладает и в лезгинских языках, хотя имеются примеры сохранения в агульском и удинском текстах русского порядка слов (SVO) при стандартном порядке (SOV) в других языках. Инверсии в агульском (и отчасти в рутульском) тексте наблю-

даются и независимо от порядка слов в русском переводе.

Среди диагностических с точки зрения определения подлежащего трансформаций рассматривается **рефлексивизация**, т.е. замещение на возвратное местоимение одной из тождественных лексем в составе одного и того же предложения. Наши примеры показывают, что возвратное местоимение лезгинских языков в большинстве случаев, аналогично русскому, замещает лексему, тождественную подлежащему.

К **производным конструкциям** в диссертации отнесены такие модели предложения, которые имеют дополнительную семантику, в т.ч. семантику каузации, семантику возможности и нек.др.

В лезгинских языках имеются относительно регулярные морфологические и синтаксические способы выражения каузативного значения. С точки зрения падежной маркировки **каузативы**, образованные от непереходных глаголов, сохраняют именительный падеж объекта при каузативизации. Образованные от переходных глаголов каузативы помещают объект каузации в позицию косвенного объекта, маркируя его одним из локативов. При каузативизации аффективной конструкции датив экспириенсера также сохраняется.

Поссибилитивные конструкции. При глаголе-сказуемом, имеющем модальность возможности, имя субъекта в большинстве языков приобретает форму одного из аблативов.

В **конструкциях**, выражающей модальность **долженствования**, имя субъекта в большинстве языков приобретает форму одного из аблативов:

В этом же ключе в диссертации рассматривается **Включение простого предложения в сложные конструкции**. Так, замечено, что субъект зависимого **инфинитивного** оборота при совпадении с субъектом главного опускается. Совпадающий референт, выступающий в зависимом обороте в иной роли, не опускается (глагольная форма может быть или инфинитивом или же дееприча-

стием).

В функционировании **сочинительных конструкций** лезгинские языки проявляют определенное своеобразие, заключающееся, прежде всего в преобладании в подобных ситуациях подчинительной связи. В конкретных примерах лишь удинский иногда следует за русской структурой, тогда как в остальных языках первое предложение оформляется как деепричастный оборот с соответствующим опущением субъекта. Сочинение простых предложений с помощью союза в подобных случаях происходит отчасти под влиянием русского языка, хотя такой способ соединения предложений не противоречит синтаксическим закономерностям рассматриваемых языков. При тождественности субъектов сочиняемых предложений второй субъект опускается, как и в номинативных языках. Разная синтаксическая роль тождественных референтов в сочиняемых предложениях требует его наличия в каждом из них.

В число **второстепенных членов предложения** входят определение, прямое и косвенное дополнение, а также различные виды обстоятельств.

Во всех лезгинских языках проявляется оппозиция **прямого и косвенного дополнений**, отражаемая в падежном оформлении этих членов предложения. Так, имя объекта, квалифицируемое традиционно в качестве прямого дополнения, оформляется здесь именительным падежом, т.е. в переходных предложениях именительный падеж лезгинских языков соответствует винительному падежу русского языка.

Косвенное дополнение со значением адресата оформляется обычно дативом и различными локативными падежами (лативами и локативами различных серий, обычно «около» и «на, над»). В то же время косвенное дополнение с субъектной ролью, функционирующее в пассивных конструкциях языков номинативного строя, в т.ч. и в русском, имеет в лезгинских языках стандартное субъектное (подлежащее) соответствие.

Особый вид косвенного дополнения представлен в сравнительных конструкциях, строящихся по следующей модели: прилагательное, как и в других дагестанских языках, сочетается с аблативом (в таб. специальная сравнительная форма с суф. – *mIan*) объекта сравнения.

В диссертации также рассмотрены способы выражения обстоятельств (образа действия, меры и степени, причины, цели, места и времени).

Как и в других дагестанских языках, все виды **определения** находятся в лезгинских языках в препозиции по отношению к определяемому.

Генитивное определение в рассматриваемых языках охватывает следующие разновидности отношений: а) отношение принадлежности, в т.ч. родственные отношения, б) отношение целого и его части, в т. ч. «неотъемлемая принадлежность», в) отношение признака и его носителя, г) при определяемом со значением группы, генитивное определение эксплицирует ее состав, д) при определяемом со значением меры, количества генитивное определение эксплицирует измеряемое вещество. При определяемом со значением вместилища это определение может быть трансформировано в причастную конструкцию по типу «вещество находящееся вместилище», е) при определяемом со значением действия (или его результата) генитивное определение эксплицирует его производителя, ж) при определяемом со значением конкретного предмета генитивное определение может эксплицировать его материал, з) временные отношения, к) отношения предназначения:

В лезгинских языках встречаются два типа **определения–приложения**. Первый тип характеризуется постановкой определяемого имени в именительном падеже.

Несогласованные определения в лезгинских языках довольно редки. Несогласованные определения русского языка могут быть трансформированы различными способами:

- введением вспомогательного причастия;
- путем экспликации семантических отношений в виде независимой предикативной структуры;
- трансформацией всего сочетания с меной синтаксической роли его компонентов.

В то же время, как отмечается в литературе, под влиянием русского языка словосочетания с несогласованными определениями (использующие падежно-последложные формы) все более распространяются в дагестанских языках.

В отличие, например, от русского, в лезгинских языках отсутствует согласование **прилагательного-определения** с определяемым существительным (исключения составляют табасаранский и цахурский языки). При этом обязательна препозиция определения по отношению к определяемому существительному. Относительные и притяжательные прилагательные русского языка имеют при этом в качестве эквивалента в лезгинских языках формы родительного падежа существительного.

В диссертации рассмотрены также определения, выраженные причастием и местоимением, числительным (во всех языках, за исключением табасаранского, числительное связывается с существительным по типу примыкания) и инфинитивом (с атрибутивным аффиксом) или синонимичными конструкциями.

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования и даются краткие обобщающие выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

**Статья, опубликованная в рецензируемом
научном журнале (по перечню ВАК РФ):**

1. *Кокорина Е.А.* Отрицательные предложения в лезгинских языках // Вестник ВЭГУ № 2 (64) 2013. – С. 183-188.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. *Кокорина Е.А.* О некоторых видах побудительных предложений в лезгинских языках // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности. Махачкала, 2012. – С. 120-121.
3. *Кокорина Е.А.* Синтаксические параллелизмы тюркских и нахско-дагестанских языков // Урал-Алтай: Через века в будущее. Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посв. 80-летию ИИЯЛ УНЦ РАН (21-22 июня 2012 г.). – С.16 (совм. с М.Е.Алексеевым).
4. *Кокорина Е.А.* Реф. кн. Баширова Ж.Д. Структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке // Реферативный журнал "Языкознание". 2013, №1. – С. 193-200.
5. *Кокорина Е.А.* Реф. кн. Гасанова С.Н. Синтаксис словосочетания агульского языка// Реферативный журнал "Языкознание". 2013, №2. – С. 196-201.